

Первенство во Вселенской Церкви. Позиция Московского Патриархата

Лекция председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона перед студентами Московской духовной академии 20 мая 2014 года.

Сегодня я хотел бы рассказать вам о позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. Эта тема обсуждалась на протяжении многих веков, и, казалось бы, позиция Православной Церкви должна быть всем ясна и не вызывать вопросов. Однако мы сегодня сталкиваемся с тем, что на межправославных встречах и в православно-католическом диалоге на эту тему высказываются разные мнения и взгляды, иной раз даже представители Православных Церквей оказываются между собой не согласны. Все это говорит о том, что тема не так проста, как может показаться: она сегодня является дискуссионной, и выявились некоторые острые углы, которые нам, по-видимому, придется сглаживать не только в диалоге с Католической Церковью (собственно, именно по вопросу первенства в Церкви произошел когда-то разрыв), но и во взаимоотношениях между Поместными Православными Церквями.

Уже в первом столетии по Рождестве Христовом Римская Церковь пользовалась особым авторитетом среди других Церквей. Это было вызвано двумя основными факторами. Во-первых, Рим был столицей той самой империи, той самой ойкумены, внутри которой началось распространение христианства. Во-вторых, Рим – город, в котором пострадали первоверховные апостолы Петр и Павел. О значении Римской Церкви говорили святые II века Игнатий Антиохийский и Ириней Лионский – последний прямо возводил ее авторитет к проповеди и мученичеству первоверховных апостолов. О Римской Церкви говорили как о *председательствующей в любви* (это выражение из Послания к Римлянам святого Игнатия Антиохийского).

Уже в III веке в западном богословии прослеживается связь между апостолом Петром и Римским епископом. Папа Стефан I впервые отнес слова из Евангелия от апостола Матфея «ты Петр, и на этом камне созижду Церковь Мою» (Мф. 16. 18) к своему епископскому служению, тем самым утверждая принцип преемства апостола Петра. На Римском соборе 382 года, который прошел под председательством Папы Дамаса, был утвержден порядок главных престолов, ранг которых определялся связью с апостолом Петром: Рим, Александрия и Антиохия. Первенство Папы Римского среди епископов во Вселенской Церкви на Западе выводилась из первенствующей роли апостола Петра в апостольской общине: поскольку только Петру Христос поручил пасти Своих

овец, епископ Рима является верховным правителем всей Церкви. Такой взгляд существовал в Риме уже в IV–V веках.

Между тем, на Востоке прямая связь между апостолом Петром и продолжением его служения именно в служении Римского епископа вовсе не усматривалась. Толкуя слова Господа из 16-й главы Евангелия от Матфея, восточные Отцы, скорее, делали акцент на вере Петра: Церковь созидается на камне, каковым является не апостол Петр, а то исповедание Иисуса Христа Сыном Божиим и Спасителем, которое прозвучало из уст Петра. Некоторые Отцы, в том числе, например, святитель Василий Великий, связывали исповедание Петра с его личностью; при этом не усматривалась прямая связь между служением апостола Петра и служением Римского епископа.

Римская Церковь пользовалась большим моральным авторитетом, и смещение акцента с него на монархическую власть епископа Рима является плодом определенного исторического развития Западной Церкви, в котором практически не участвовала Восточная Церковь.

О том, как по-разному понимали власть Римского епископа на Западе и Востоке, свидетельствует история Вселенских Соборов: как мы знаем, на них присутствовали легаты Папы, однако ни один Папа Римский не приезжал на Собор лично и не был председателем Собора. Не председательствовали на Соборе и легаты Папы Римского. Все соборные решения принимались с формулировкой: «Изволися Духу Святому и нам». Они воспринимались на Востоке как решения, имеющие обязательную для всей Вселенской Церкви силу, именно в силу того, что были приняты на Вселенском Соборе.

Когда на Вселенском Соборе принимались и положительно оценивались документы, поступавшие из Римской Церкви, это происходило не потому, что их источником был Рим, а потому, что они содержали православное вероучение; в частности, томос Папы Льва I был принят IV Вселенским Собором после того, как он был внимательно изучен и Отцы Собора пришли к выводу, что в нем содержится учение и учение Кирилла (имеется ввиду Кирилл Александрийский), и что «Петр говорит устами Льва». Это выражение, прозвучавшее на Соборе, вовсе не означало признания на Востоке Римского епископа как единственного, «эксклюзивного» преемника апостола Петра и носителя того же авторитета и того же безусловного первенства, каким пользовался Петр в апостольской общине.

На Западе, между тем, утвердилось другое понимание, согласно которому решения Вселенских Соборов имеют обязательную силу для Вселенской Церкви после того, как они утверждаются Папой. В глазах западных богословов утверждение соборных решений Папой стало неким актом рецепции, актом признания, который, по их мнению, был необходим для того, чтобы эти решения были окончательно приняты. Папа оставлял за собой право не принимать те или иные решения

Вселенского Собора. Например, 28-е правило Халкидонского Собора, которое ставит на второе место в диптихе Патриарха Константинопольского и усваивает ему равные с епископом Ветхого Рима права, на Западе никогда не было признано.

Если посмотреть текст этого соборного правила, мы увидим, что для Отцов Восточной Церкви главной мотивацией того, что престолу Нового Рима – Константинополя усваивались те же преимущества, что имелись у престола Ветхого Рима, был тот факт, что Константинополь, Новый Рим, стал столицей Римской империи. Отцы Собора при решении вопроса о втором месте в диптихах вели речь не о преемстве от апостола Петра или кого-либо из апостолов, а исключительно о политическом значении новой столицы империи. Константинопольская кафедра не могла похвалиться такими историческими корнями, какие имела кафедра Римская как место мученической кончины первоверховных апостолов Петра и Павла.

Уже в IV веке на Западе существовала практика апелляции епископа, который был не согласен с решением церковного суда, к Римскому епископу. Эта практика была закреплена 3, 4 и 5 правилами Сардикийского Собора и впоследствии была подтверждена Трулльским Собором. Но, опять же, право апелляции к Римскому епископу вовсе не указывало на какую-то его особую вселенскую роль. В конце концов, в особых случаях к Римскому епископу апеллировали и некоторые восточные Отцы, но, во-первых, они обращались к нему не как к главе Вселенской Церкви, а как к носителю особого духовного и морального авторитета; во-вторых, они апеллировали не только к Римскому, но также и к другим епископам.

К V веку на христианском Востоке сформировалась так называемая «пентархия» – система власти пяти Патриархатов, образованных вокруг пяти древнейших и главнейших престолов: Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Император Юстиниан законодательно закрепил порядок (греч. τάξις) пяти Патриарших престолов, среди которых первое место принадлежало Риму. Само понятие «пентархии» предполагало соборную систему управления в Церкви и то, что Патриархи между собой равны; один из них является первым, но он первый среди равных (*primus inter pares*) – таковым был епископ Рима.

Иногда в восточных источниках мы встречаем очень возвышенные выражения относительно Римского престола и Римского епископа. Например, святой Максим Исповедник называет Рим главой митрополий всех Церквей, камнем поистине твердым и незыблемым, самой великой апостольской Церковью, которая имеет ключи веры и православного исповедания. История жизни и борьбы преподобного Максима за Православие однозначно свидетельствует о том, что он, так же, как и другие восточные отцы, апеллировал именно к моральному и духовному авторитету Рима, но не воспринимал Римского епископа как главу Вселенской Церкви, которому подчинены или должны быть подчинены другие Патриархи.

Такое восприятие Римского епископа на Востоке существовало всегда вплоть до разрыва между Константинопольским и Римским престолами. Этот разрыв произошел в 1054 году, и главными его причинами были не вопросы догматическо-богословского характера, а проблемы, связанные с церковной практикой с различными спорными территориями, а также с различиями обрядовой практики. В курсах Сравнительного богословия и Истории Церкви вы подробно изучали причины, которые привели к разрыву между Константинопольской и Римской Церквями и, думаю, нет никакой необходимости мне об этих причинах сейчас говорить. Но я бы хотел подчеркнуть один очень существенный факт, о котором сейчас часто забывают: разрыв 1054 года не был разрывом между двумя частями христианского мира, между Западом и Востоком. Это был разрыв между Поместной Церковью Римской и Поместной Церковью Константинопольской. Именно так действовали легаты Римского Папы, именно так действовал Константинопольский Патриарх Михаил Керулларий. Вселенский Патриарх, который к тому времени уже имел этот титул, воспринимался на Востоке не как глава Вселенской Церкви, который может руководить всем церковным организмом, но как один из четырех Восточных Патриархов, и в диптихе он занимал второе место.

Так случилось, что после того, как между Римом и Константинополем произошел разрыв, который мог иметь временный характер, но завершился фактическим расторжением между латинским Западом и православным Востоком, к этому разрыву постфактум подключились и другие Восточные Церкви, что было вполне естественно, потому что на Востоке существовал соборный характер управления Церковью и все подобного рода вопросы они обсуждали соборно.

На православном Востоке соборное начало оставалось главным руководящим принципом церковного управления. Вот почему Патриарх Константинопольский Григорий VI, отклоняя приглашение Папы на I Ватиканский Собор, писал: «Мы не можем принять, что во всей Церкви Христовой есть некий епископ начальствующий и глава иная, кроме Господа, что есть некий Патриарх, говорящий с кафедры и выше Вселенских Соборов или же что апостолы не были равны». Константинопольский Патриарх Анфим VI и Синод Константинопольской Церкви в 1895 году на послание папы Римского Льва XII ответили: «Божественные Отцы, почитая епископа Рима только как епископа столичного города государства, предоставили ему почетное старшинство председательства, рассматривая его просто как первого по порядку епископа, то есть первого среди равных, каковое старшинство дали и Константинопольскому, когда этот город стал столицей Римской державы, как свидетельствует о том 28-е правило IV Вселенского Собора в Халкидоне. Ни у кого из Отцов нет намека на то, что епископ Рима есть единый начальствующий Кафолической Церкви».

Эти цитаты свидетельствуют вполне однозначно и вполне четко о позиции православного Востока

в отношении первенства во Вселенской Церкви. Позиция эта заключается в исповедании того, что Главой Церкви является Сам Господь Иисус Христос, что административно Церковь управляется равными по сану Патриархами и ни один из них не имеет власти над другими Патриархами, что, соответственно, каждая Поместная Православная Церковь является автокефальной, самостоятельной в управлении. Именно констатация соборного характера Церкви и была для Восточных Отцов главным основанием для отрицания вселенской власти Римского епископа.

«Вселенская юрисдикция» Римского епископа, как она осмысливается в богословии Западной Церкви, явилась результатом длительного исторического развития, которое связано с тем, что на Западе Римский престол оказался единственным апостольским престолом, получившим особые политические привилегии. Как мы знаем, в Средние века Папы обладали властью не только духовной, но и политической, они не только короновали христианских государей, но и сами в известном смысле были государями: у них были свои земли и своя армия. Все это, конечно, укрепляло авторитет Римского престола.

На христианском Востоке происходили совершенно другие процессы: территории, на которых располагались древние Восточные Патриархаты, попадали то под одно, то под другое владычество, подвергались набегам то арабов, то турок. Все это способствовало ослаблению древних Восточных престолов, особенно престолов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, которые в значительной степени утратили свою фактическую самостоятельность. Они могли годами и десятилетиями не пребывать на своих кафедрах, находясь в Константинополе, они могли участвовать в Синодах Константинопольской Церкви, подписывать документы, имевшие общецерковную значимость, как это было, например, с документом о признании Патриаршества во граде Москве и в Северных землях, который был подписан четырьмя Восточными Патриархами. Несмотря на фактическую зависимость от Константинополя, с точки зрения церковного канонического права Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский оставались предстоятелями автокефальных Церквей, равными по сану Патриарху Константинопольскому.

После падения Константинополя Патриарх Константинопольский получил дополнительные привилегии в качестве этнарха православного греческого населения на территории Османской империи, что еще более подорвало авторитет древних Патриархов. Эта привилегия позволяла Патриарху Константинопольскому в трудных условиях гонений со стороны турок сохранять Церковь и даже использовать эту привилегию для блага не только Константинопольской Церкви, но и других Поместных Православных Церквей.

В 20-е годы XX века были внесены очень существенные коррективы в позицию Константинопольского Патриарха относительно первенства Константинопольской кафедры. Мы

видели, как на протяжении всей истории Восточная Церковь в полемике с папизмом очень ревностно соблюдала учение о равенстве Предстоятелей автокефальных Церквей и о том, что среди них нет главы, что Предстоятели равны между собой и если есть первый, то он первый среди равных. В 20-х годах в силу затронувших целые страны и народы миграционных процессов, прежде всего, тех, которые были вызваны малоазийской катастрофой, огромное количество православных верующих, принадлежавших к разным церковным юрисдикциям, оказались вне исторических пределов этих канонических юрисдикций. Например, сотни тысяч греков из бывшей Османской империи оказались в диаспоре в Америке, Австралии, Западной Европе. Именно тогда Константинопольский Патриарх Мелетий (Метаксакис) сформулировал совершенно новую доктрину, которая ранее не была известна Восточной Церкви: что Вселенский Патриарх является Вселенским не только в силу своего титула, но что он обладает вселенской юрисдикцией над всей православной диаспорой.

Эта точка зрения, которая обосновывалась очень партикулярным и односторонним прочтением 28-го правила Халкидонского Собора, стала официальной позицией Константинопольского Патриархата. Она не была принята другими Поместными Православными Церквями, в частности, Русской Церковью. Но мы должны понимать, что с 20-е – 50-е годы были временем, когда межправославный диалог практически не велся, – по сути дела, он стартовал в начале 60-х годов и был связан с возникновением идеи созыва Всеправославного Собора. В ходе подготовки этого Собора общение Поместных Православных Церквей между собой существенно интенсифицировалось, и тут при подготовке соборного документа и выявилось возникшее существенное различие в понимании роли первого епископа во Вселенской Церкви.

Подготовка к Всеправославному Собору, начавшаяся в 1961 году, продолжается до сих пор. Она длится уже свыше пятидесяти лет, и по восьми из десяти вопросов, которые решались в ходе предсоборного процесса, был достигнут определенный консенсус – он зафиксирован в документах, имеющих на сегодня предварительный статус. Но надо сказать, что тема первенства во Вселенской Церкви в них не затрагивалась и при подготовке документов неоднократно возникали трения, которые происходили именно из разного понимания власти и роли первого епископа во Вселенской Церкви.

Приведу пример из совсем недавних дискуссий по вопросу о способе предоставления автокефалии, который может быть вынесен на обсуждение и решен на Всеправославном Соборе. Исходные позиции у Константинопольской Церкви и, например, у Русской Православной Церкви были совершенно разные. Константинопольская Церковь считала, что право предоставления автокефалии любой Поместной Церкви должно принадлежать Константинопольскому престолу и Томос об автокефалии должен подписываться и затем вручаться главе новообразованной Церкви Патриархом Константинопольским. Наша исходная позиция заключалась в том, что автокефалию

может даровать какой-то своей части та Поместная Церковь, в которую новообразованная Церковь входила до момента предоставления ей автокефалии. Именно на этом основании в 1970 году Русская Православная Церковь предоставила автокефалию Православной Церкви в Америке, а Константинополь не признал и не признает ее из-за несогласия с таким способом предоставления автокефалии.

В ходе обсуждения темы автокефалии в предсоборном процессе был достигнут консенсус относительно того, как она будет предоставляться в дальнейшем: консенсус основывается на том, что предоставление автокефалии должно быть общеправославным процессом, в котором участвуют все Поместные Церкви; Томос об автокефалии должен подписываться главами всех Поместных Православных Церквей; при этом первым подпись ставит Патриарх Константинопольский, но вслед за ним по порядку диптиха подписываются главы других Поместных Церквей. Пока открыт вопрос о том, каким образом будут ставиться подписи – Константинопольский Патриархат настаивает на том, что подпись Вселенского Патриарха должна сопровождаться некой терминологией, которая подчеркивала бы его первенство и констатировала, что именно он принимает основное решение, а подписи других Предстоятелей свидетельствовали бы, что они присоединяются к уже принятому решению. Такой порядок подписания Томоса, предложенный Константинополем, нашу Церковь не устроил. Есть также нерешенные вопросы, касающиеся формулировок в Томосе, но это все же частные вопросы, а вот некое общее согласие, консенсус по вопросу о том, что предоставление автокефалии будет следствием всеправославного процесса, имеется уже сейчас.

Кроме того, существует консенсус относительно того, кто будет созывать Всеправославный Собор. Из истории мы знаем, что Вселенские Соборы созывались императорами. Императоров больше нет, нет той гражданской власти, которая может обеспечить созыв Собора, порядок на нем и дальнейшую рецепцию соборных решений. Значит, должен существовать общеправославный механизм. Такой механизм создан, и право созывать Всеправославные Соборы предоставлено Патриарху Константинопольскому, но не как главе Вселенской Церкви, а как первому среди равных ему по сану Предстоятелей Поместных Православных Церквей. И получил он это право не потому, что Константинопольский престол играет какую-то вселенскую роль, но потому, что таково было согласие, таков был консенсус Поместных Православных Церквей на Всеправославных совещаниях. Иными словами, Поместные Православные Церкви делегируют Патриарху Константинопольскому некие координирующие функции, включая право созыва Всеправославного Собора.

Константинопольский Патриарх, согласно сложившейся практике, может действовать от имени других Поместных Православных Церквей в том случае, если Поместные Церкви ему это поручают или его об этом просят; если же такого не происходит, он действует как глава Поместной

Константинопольской Церкви. Например, в ближайшие дни состоится встреча между Папой Римским Франциском и Константинопольским Патриархом Варфоломеем, и на Западе, особенно в светских средствах массовой информации, эта встреча подается как встреча глав Католической и Православной Церквей, при этом Патриарх Константинопольский объявляется духовным лидером трехсотмиллионного православного населения планеты. С нашей точки зрения, Патриарх Константинопольский встречается с Папой Римским как глава Поместной Константинопольской Православной Церкви, а не как единый глава всех православных, потому что ни Русская Церковь, ни другие Поместные Церкви не давали ему полномочий встречаться от их имени с Папой Римским.

На Римской Церкви и на Константинопольской Церкви лежит особая историческая ответственность за разрыв, который произошел в XI веке и по сию пору сказывается на жизни мирового христианства, следовательно, те шаги, которые Папа Римский и Константинопольский Патриарх делают навстречу друг другу (а таких шагов было сделано немало, начиная с Папы Павла VI и Патриарха Афинагора), конечно, имеют значение и для православной полноты. Тем не менее, эти встречи мы воспринимаем как встречи глав Поместных Церквей – Римской и Константинопольской – даже если Римская Церковь сегодня в глазах католиков всего мира, да и по своему административному устройению является не Поместной Церковью Рима, а Церковью, рассеянной по всей вселенной.

Разница в понимании первенства во Вселенской Церкви в полной мере проявилась и проявляется в ходе богословского диалога между православными и католиками. Официальный православно-католический диалог ведется уже более тридцати лет, с 1980 года. В рамках этого диалога были рассмотрены разные вопросы эклезиологического, богословского и церковно-практического характера. Очень важным достижением, на мой взгляд, является то, что в 1993 году православные и католики совместно осудили унию, заявив, что она не является приемлемым методом достижения единства.

Для нас, православных, этот факт был очевиден и до того, потому что история нашей Церкви показывает: уния не принесла православным народам ничего, кроме бедствий, гонений и дискриминации. И сегодня мы видим по действиям униатов на Украине, что они не друзья Православию и никоим образом не являются связующим звеном между восточным Православием и западным католицизмом, как это иной раз пытаются представить на Западе. По сути дела, уния была создана именно как миссионерский и прозелитический проект, направленный на обращение православных в католичество. Униаты с самого начала были и остаются глубоко враждебны Православию; они не являются друзьями Православной Церкви, и всякий раз, когда политические обстоятельства способствуют возрождению унии, униаты пользуются ими, чтобы нанести как можно более болезненные удары по православным. Заявления, звучащие сегодня из уст

униатских иерархов, начиная с главы Украинской Греко-Католической Церкви архиепископа Святослава Шевчука и кончая рядовыми священнослужителями и мирянами-униатами, направлены на расчленение единой Русской Церкви. Они носят откровенно враждебный характер и свидетельствуют о том, что уния продолжает оставаться камнем преткновения в православно-католических отношениях и поныне является кровоточащей раной на теле мирового христианства.

Так вот, в ходе православно-католического диалога хотя бы однажды и, по крайней мере, на бумаге Католическая Церковь признала, что уния не является путем достижения единства. Но, к сожалению, за этим теоретическим признанием ошибочности унии не последовало практических шагов, и когда православная сторона предложила подготовить еще один документ, который касался бы канонических и пастырских последствий униатства, католическая сторона выступила категорически против. Диалог был приостановлен; затем, спустя шесть лет, стороны вернулись к дискуссии, но было принято решение обсуждать другие темы. Предложили обсудить тему первенства Римского епископа, и здесь были выявлены различия не только между православными и католиками, но и внутри семьи Поместных Православных Церквей. Они были связаны с разницей в подходах к данному вопросу, которую мы наблюдаем на православном Востоке, начиная с Патриарха Мелетия (Метаксакиса), то есть с 1920-х годов.

С чем мы столкнулись в ходе православно-католического диалога по предложенной теме? С тем, что католическая сторона очень медленно, очень вежливо пытается навязать нам свою точку зрения на первенство Римского епископа во Вселенской Церкви, апеллируя как к церковной истории, так и к различного рода документам первого и второго тысячелетия. С православной же стороны нет четко сформулированного ответа на эти высказывания, на эти взгляды католиков. Если такой четкий ответ существовал в православной традиции, по крайней мере, с XI по XIX век включительно, и мы имеем огромное количество этому свидетельств и цитат, то сейчас его нет, потому что нет единства между Поместными Православными Церквями относительно того, какими прерогативами должен пользоваться первый епископ и является ли он вообще первым среди равных.

Такое положение дел побудило Священный Синод Русской Православной Церкви поручить Синодальной богословской комиссии разработать документ, в котором была бы изложена позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. Задача, которая была поставлена Священным Синодом перед Синодальной библейско-богословской комиссией, заключалась в том, чтобы разработать нормативный документ, который служил бы основой позиции Московского Патриархата в диалоге с Римско-Католической Церковью, но, естественно, имел бы отношение и к проблематике межправославных отношений, потому что тема первенства во Вселенской Церкви не только касается взаимоотношений между православными и католиками, но стоит и на повестке дня межправославного диалога.

Такой документ был подготовлен и одобрен Священным Синодом Русской Православной Церкви в декабре прошлого года. Ключевые положения этого документа основаны на двухтысячелетней богословской традиции Православной Церкви.

Прежде всего, в документе зафиксирован сложившийся между Поместными Православными Церквами консенсус относительно важности первенства на вселенском уровне. Оно существует и никоим образом не отрицается Русской Церковью: в документе прямо говорится, что в семье Поместных Православных Церквей первенство принадлежит Патриарху Константинопольскому, однако сразу же оговаривается, что оно принадлежит ему как первому среди равных Предстоятелей Поместных Православных Церквей.

Далее говорится, что содержательное наполнение этого первенства определяется консенсусом Поместных Православных Церквей, выраженным, в частности, на Всеправославных совещаниях в процессе подготовки Святого и Великого Собора Православной Церкви. Если какие-то координирующие права усваиваются Константинопольскому Патриарху, то не потому, что он главнее других, а потому, что на это согласились другие Поместные Православные Церкви. В документе отмечается, что в Святой Христовой Церкви первенство во всем принадлежит ее Главе Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу, что любые другие формы первенства являются вторичными по отношению к этому вечному первенству Господа.

Далее рассматривается первенство на трех уровнях существования Церкви: епархии, Поместной Церкви и Церкви Вселенской. Почему документ имеет такую структуру? Потому что в 2007 году в Равенне в отсутствие представителей Русской Православной Церкви был принят православно-католический документ по теме соборности и первенства во Вселенской Церкви, где была избрана именно такая структура обсуждения вопроса и предложена весьма ошибочная, на наш взгляд, форма представления материала, согласно которой то, что относится к первенству на одном уровне, может быть автоматически перенесено на другой уровень.

Как мы хорошо знаем, первенствующая роль в любой епархии принадлежит епископу, и там у него нет равных: он возглавляет епархию, и все остальные лица, включая, например, викарных епископов и пресвитеров, ему подчиняются. Но вот сейчас мы создаем митрополии: в каждой из них есть митрополит и есть епископы, в сакраментальном отношении они являются равными, а митрополит является первым среди равных. И получается, что митрополия – уже не епархия, а иная форма церковной самоорганизации. Есть на различных уровнях и другие формы церковной самоорганизации, в которые входят две или более епархий, будь то митрополия, митрополичий округ, автономная, самоуправляемая или автокефальная Церковь.

Мы знаем о том безусловном первенстве, которым обладает в любой Поместной Церкви ее Предстоятель, будь то Патриарх, Архиепископ или Митрополит, но знаем также и о том, что как епископ он является первым среди равных. У него есть определенные права по отношению к другим епископам, но Предстоятель не является епископом епископов; как и другие епископы, он возглавляет Церковь определенной территории. Например, если говорить о Русской Православной Церкви, Патриарх является епископом города Москвы.

Согласно логике Равеннского документа, прерогативы, которые относятся к первому на одном уровне, могут быть перенесены на первого и на другом уровне и, следовательно, служение епископов епархии может быть сопоставлено со служением митрополита в митрополии, Предстоятеля – в Поместной Церкви и первого епископа на уровне Вселенской Церкви. С такой постановкой вопроса вполне и с радостью согласились католики, потому что, по сути дела, оно отражает католическое понимание административного устройства во Вселенской Церкви, но с этим не может согласиться наша Церковь, поскольку мы видим в самом методе такого богословского обсуждения вопроса о первенстве методологическую ошибку, которая приводит к ложным экклезиологическим построениям.

В Равенском документе говорится о том, что Церковь устроена по образу Святой Троицы, и мы с этим не спорим, когда дело не касается деталей, и если говорить о роли епископов в епархии, то мы действительно видим, что эта роль является центральной; есть также патристические свидетельства, которые позволяют нам проектировать тринитарную модель на устройство епархий: это слова святого Игнатия Богоносца о том, что епископ представляет Бога Отца, пресвитеры совершают служение апостолов и т.д. Но если говорить, например, о митрополии и о Поместной Церкви, то богословских оснований для того, чтобы уподобить Предстоятеля Поместной Церкви или главу митрополии Богу Отцу, не существует – нет таких цитат, нет таких источников в православной традиции.

Значит, здесь уже идет речь о другой форме первенства и о коллегиальном правлении в Церкви. Управление Церковью на уровне епархии можно назвать коллегиальным лишь относительно, потому что высшей властью в ней является не епархиальный совет, не епархиальное собрание, не какой бы то ни было коллективный орган – все эти органы, включая церковный суд, являются вспомогательными, а решение все равно остается за епископом.

Однако в Поместной Церкви решение принимается уже Собором епископов, который является в ней высшей властью. На уровне Поместной Церкви существует совсем другая организация – соборное управление, где есть первый среди равных, который ведет дискуссию, модерировает заседания, но решения принимаются соборно и являются обязательными для всей Церкви, в том числе для первого епископа.

Что же касается Вселенской Церкви, в православной традиции вообще не существует какого бы то ни было административного механизма, который бы управлял ею. Вселенская Православная Церковь устроена как сообщество и содружество Поместных Православных Церквей, каждая из которых является независимой от других в своем административном управлении. У нас нет главы Вселенской Церкви, который считался бы высшим, а не был бы первым среди равных.

Рассматривая эту проблематику в документе «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви», мы говорим о том, что первенство на каждом из этих трех уровней имеет разную природу и, соответственно, имеет разные источники. Что является источником первенства для епископов в епархиях? Апостольское преемство: епископ является преемником апостолов, он получил свою власть через рукоположение по прямой цепи преемства от святых апостолов. Каков источник власти первого епископа в Поместной Церкви? Избрание его Предстоятелем Церкви на Соборе епископов: он является главой Поместной Церкви не потому, что он преемник апостолов, – все другие епископы тоже преемники апостолов, – но потому, что епископы его избрали и делегировали ему прерогативы, с которыми связано служение Предстоятеля. А какой источник первенства во Вселенской Церкви? Таковым не является ни апостольское преемство, ни избрание, а диптихи, то есть установившийся порядок следования Поместных Церквей в официальных списках. Первый епископ Вселенской Церкви не избирается Вселенской Церковью – избран он в своей Поместной Церкви и, следовательно, обладает абсолютно такими же правами, как и Предстоятели других Поместных Православных Церквей.

Все эти различия мы попытались изложить в «Позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви». Документ этот небольшой, но емкий и значимый, и я думаю, что события, которые произойдут в ближайшие годы, наша позиция и наше участие в них, в значительной степени будут мотивированы именно теми выводами, которые сделаны в этом документе.

Например, в 2016 году, если не возникнет каких-либо препятствий, должен быть созван Всеправославный Собор. Для нас участие в этом Соборе возможно только в том случае, если решения на нем будут приниматься консенсусом; о таком принципе принятия решений договорились Предстоятели Поместных Православных Церквей на совещании, которое прошло в начале марта в Стамбуле. Почему это для нас важно? Потому что мы должны быть абсолютно уверены в том, что ни одна Поместная Церковь не сможет навязать какое бы то ни было решение другой Поместной Церкви, что ни одно решение Всеправославного Собора не будет принято в ущерб нашей Церкви, вопреки воле нашего церковного народа.

Константинопольский Патриарх выступал за то, чтобы все решения на Соборе принимались

большинством голосов, при этом каждая Поместная Церковь должна была быть представлена равным количеством епископов. Нас это категорически не устраивало, потому что таким образом мы могли оказаться в ситуации, когда принимались бы решения, которые не будут рецептированы Русской Православной Церковью. Таким образом, для нас вопрос консенсуса как метода принятия решений являлся ключевым; мы этого добились, но возникает много других тем, связанных с повесткой дня Всеправославного Собора, с вопросами, которые будут обсуждаться, с тем, возможно ли будет во время Собора вносить изменения в документы, которые готовятся заранее, и если да, то какие. Мы, например, считаем, что все документы, которые предполагается принять, должны быть заранее согласованы и одобрены Синодами Поместных Православных Церквей, – только тогда мы сможем со спокойным сердцем ехать на Всеправославный Собор.

Немаловажной представляется и тема первенства во Православной Церкви, поскольку то, как понимается это первенство, имеет самое прямое отношение к практике церковной жизни. Мы считаем, что в определенной степени удалось найти баланс между позициями Поместных Православных Церквей по этому вопросу, в то же время он довольно хрупок, потому что даже публикация нашего документа о первенстве в Церкви вызвала далеко не однозначную реакцию в Поместных Церквях, особенно в Константинопольском Патриархате. Он не отреагировал официально на наш документ, но целый ряд иерархов и богословов Константинопольской Православной Церкви высказались критически в его адрес. Например, митрополит Прусский Элпидифор в ответ на наш документ опубликовал статью с очень красноречивым названием «Первый без равных», в которой доказывает, что Константинопольский Патриарх является не *primus inter pares* (первым среди равных), а *primus sine paribus*, что означает «первый без равных», поскольку, по его словам, как епископ Константинопольской Церкви он действительно является первым среди равных, но как Предстоятель старшей кафедры – единственный в своем роде и равных себе не имеет.

Вся эта проблематика сегодня представляет большую важность и для внутреннего бытия Православной Церкви, и для православно-католического диалога, и очень хотел бы, чтобы вы внимательно изучили этот документ, ознакомились с аргументами, которые Русская Православная Церковь приводит в поддержку своей позиции, дабы вы четко понимали, чем мотивированы те или иные наши действия и в православно-католическом диалоге, и в межправославном взаимодействии в ходе подготовки Святого и Великого Собора.